041988

0 7 1

ТУ–19–241–82

8

5

студия
ДИАФИЛЬМ

Юрий Коваль
Венька
Художник
Г. Сояшников

Я выстрелил. Слабым и глухим показался мой выстрел. Звук его увяз в пихтах, утонул во мху. «Никто не услышит», — подумал я.

Третий день кружил я по тайге и никак не мог выйти к речке Карабуле. Солнце не помогало. Оно появлялось то справа, то слева, маялось над головой и, потускнев, падало в облака.

Пожалуй, никогда ещё в жизни я так не уставал. Две ночи, проведённые у костра, я почти не спал, всё думал и думал, как же выйти к Карабуле, вспоминал свой путь и не мог вспомнить.

На третий день, наверно, я всё-таки пал духом. С отчаяния опустился я на колени в мокрую болотную траву. Два подберёзовика стояли в траве передо мной. Зачем-то я сорвал их и снова пошёл вперёд.

Вдруг я почувствовал запах дыма. Я пошёл быстрее, потом побежал и наконец увидел дым. Из пихт выползли его клубы, густые и упругие, как парус.

На земле, на кустах, на живых деревьях с треском горели сучья. Огонь бежал по земле, подпаливая бурелом, по стволам деревьев подбирался к верхушкам. Тайга горит!

Мутной стеной дым обрушился мне на голову, а за ним, внизу, у самой земли, я увидел открытую печь, огненную пещеру. Там свивались в клубок красные, синие, фиолетовые змеи. Трепетали, с треском облизывали друг друга раскалёнными языками.

Я бросился затаптывать огонь, но он уже был и справа, и слева, и сзади. Дым закрыл подножия деревьев, они будто парили в воздухе. Резкий жар ударил в глаза. Я ослеп на секунду, поперхнулся дымом.

Я выбежал из дыма, ещё чувствуя на плечах его тяжесть, упал в траву и увидел, как она зелена и спокойна. Перед глазами во мху стоял свежий сырой маслёнок.

Муравьи уходили от пожара, тащили на себе светлые кругляши-личинки. Приседая, оглядываясь, останавливаясь, пробежал заяц. Какое-то рычание донеслось издали. Это мог быть зверь, застигнутый огнём.

Я пошёл в сторону от пожара и всё время слышал рычание за спиной. Неужели медведь? Рычание всё приближалось,

и наконец между верхушками деревьев я увидел самолёт. Это он рычал, низко облетая пожар.

Вдруг от самолёта отделилась какая-то точка. Она полетела к земле, развернулась в воздухе, превратившись в длинную ярко-оранжевую змею.

Самолёт ушёл за деревья, а лента-змея трепетала, опускаясь на землю. Я выбежал на поляну, подхватил ленту. Это была просто лента из хрустящей бумаги.

«Заметили, — думал я, в волнении бегая по поляне и размахивая лентой. — А лента — это сигнал». Самолёт сделал круг над тайгой и теперь снова возвращался ко мне.

В борту самолёта открылась вдруг овальная дверь, из неё прямо в небо вылетела кукла. Странно растопырив руки, вниз головой кукла летела к земле. «Человек! — понял я. — Живой человек. Его выкинули с самолёта!»

Падающий человек вдруг перевернулся в воздухе и замер. Над головой его вздулся светлый купол. Парашют! Один за другим из самолёта выпрыгнули ещё двое, и теперь три белых полупрозрачных купола повисли над тайгой.

Первый парашютист быстро приближался к земле. Размахивая лентой, я побежал к тому месту, где он должен был приземлиться.

Он ухнул в колодец между двумя большими разлапистыми ёлками, а купол парашюта зацепился за их вершины.

Парашютист не видел меня, а я стоял совсем близко, прямо под деревом. «Ты чего?—крикнул наконец я.—Зацепился, что ли?» Парашютист глянул вниз, на меня: «Разве сам не видишь? Залезай на соседнюю ёлку. Распутывай».

Я снял ружьё, рюкзак и полез на ёлку. Вскоре парашют отцепился от веток и мягко улёгся в траву. Мы спрыгнули на землю.

Парашютист был в удивительном костюме: прошнурованные по шву брюки и рукава, на груди и животе защитные щитки. Лицо у него юное и симпатичное.

«Слушай,—сказал я,—а зачем вы бросили эту штуку—ленту?»—«Это вымпел. Мы смотрим на него сверху и знаем, куда прыгать».—«Понятно»,—сказал я и засмеялся. Мне приятно было разговаривать с парашютистом.

«Ладно,—сказал он.—Давай знакомиться. Меня звать Венька». Он протянул мне руку, я подал ему свою, и вдруг—трах!—он дёрнул меня за руку, дал подножку, и я оказался на земле. «Батя!—закричал он.—Скорей сюда! Я поджигателя поймал!!!»

Из тайги вышли ещё два парашютиста. Они подошли вплотную и молча разглядывали меня. Я стал рассказывать, как заблудился, попал в пожар, увидел Веньку и побежал ему помогать.

Тут один из парашютистов, бородатый, как видно Венькин отец, сказал, что если бы я поджёг, то Веньке помогать бы не стал, а дал бы дёру. Стало быть, я не поджигал. «Ты не сердись на Веньку,—сказал мне бородач.—Он парень горячий, пионер».

Пока мы разговаривали, самолёт сделал новый заход, выбросил ещё двух парашютистов, какие-то ящики и тюки, которые тоже опускались вниз на парашютах. Я вызвался помогать тушить пожар и поступил к Веньке под начало.

Десантники разобрали тюки с инструментом и начали рубить просеку. Это нужно было для того, чтобы пожар не пошёл дальше. Мы с Венькой шли сзади и подчищали: рубили кусты, оттаскивали в сторону бурелом.

Только на другое утро Сергей Иванович (так звали Венькиного отца) рассказал мне, что Веньке четырнадцать лет. Мать его умерла, и они жили вдвоём, отец и сын. Таёжных пожарников-десантников забрасывают на самолётах то в одно, то в другое место, и Венька кочевал вместе с отцом.

Всё это я узнал потом, а сейчас разговаривать было некогда. Уже наступили сумерки. Дым, закрывавший небо, приблизил ночь. К ночи просека была готова, петлёй окружила пожар.

Теперь надо было пустить встречного, «пожечь ему пятки». Начал Венька. Он поджёг берёсту и сунул её в кучу сухих веток. Сучья мигом занялись. Огонь побежал по бурелому навстречу пожару.

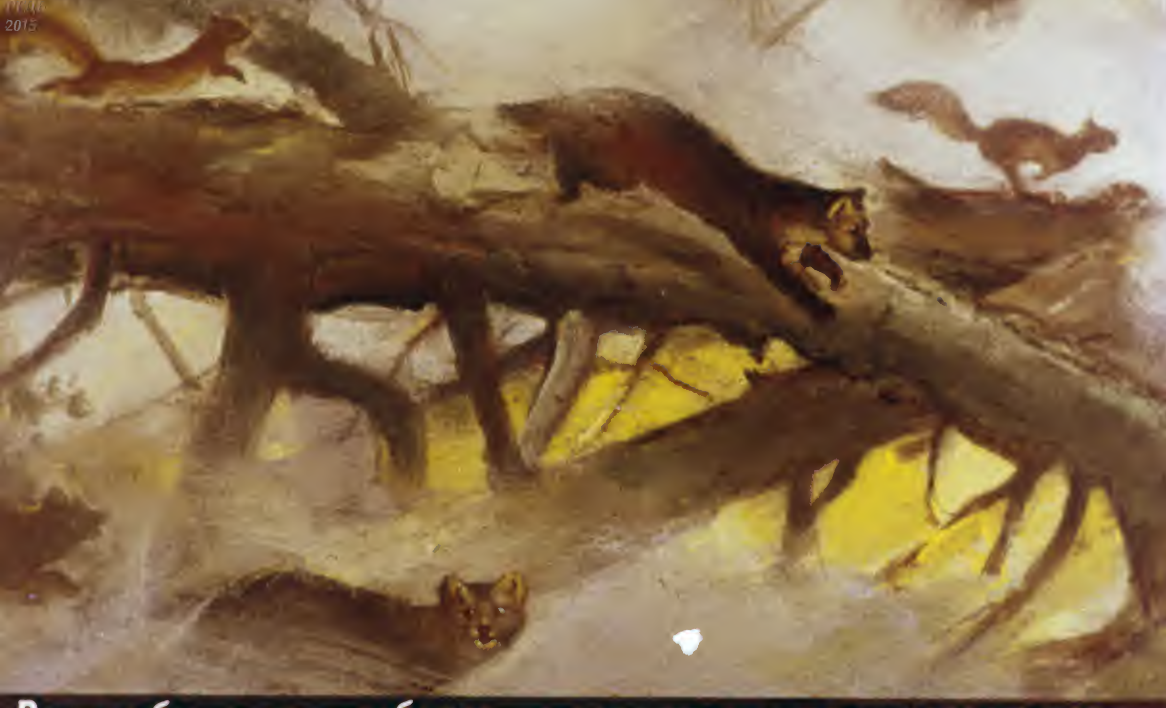
Всю ночь мы бегали по просеке и следили, чтоб огонь не перебрался через неё. Я то встречался с Венькой, то терял его в темноте и в дыму, то видел вдруг его чёрную фигурку в отблесках пожара.

С рассветом в небе появился вертолёт. Он сделал несколько заходов и сел на поляну. Почти не разговаривая, усталые десантники стали собирать инструменты, укладывать парашюты.

Венька сидел в стороне, прислонившись спиной к ёлке. У ног его в траве лежали три маленьких соболёнка. Они не смогли уйти от пожара и задохнулись в дыму.

Веньке было жаль соболят, но сделать он уже ничего не мог. Позже Сергей Иванович рассказал мне, что за сегодняшний день Венька спас восемь соболят и двадцать четыре бельчонка.

«В тайгу приходят разные люди,— говорил мне Сергей Иванович, когда мы шли к вертолёту.— Разведут костёр, отогреются, уйдут, а огонь не затушат как следует. Вот и пожар. Звери гибнут и птицы... Ну ладно, залезай, подбросим тебя на Карабулу».

Десантники погрузились в вертолёт. Венька сел рядом с отцом, прижался к отцовскому плечу, закрыл глаза и мгновенно уснул.

Заревел мотор вертолёта, и мы медленно поднялись над поляной. Клубы дыма всё ещё поднимались между стволов. Я вдруг увидел лося, уходящего от пожара. Он казался сверху коричневой бутылочкой.

Вот и речка Карабула, петляющая по тайге. Ясно видно её дно — мели, перекаты, бочаги. Я всё старался разглядеть, не видно ли в бочагах хариусов. Но разве их увидишь с такой высоты?

Конец

Художественный редактор В. КРАСНОВСКИЙ
Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

103062, Москва, Старосадский пер., 7

Цветной 0-30

